

Н.М. ЛУКИН: У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первоначало и еще первоначало —
вог дверь ко всем тайнам

Лао-цзы "Дао дэ цзин"

Чтобы постичь суть того или иного феномена, нередко бывает полезно поближе ознакомиться с историей его возникновения: *ad fontes!** — призывали древние. Соответственно, чтобы понять некоторые характерные особенности советской историографии Французской революции, есть смысл обратиться к творчеству "отца-основателя" советской школы исследований в данной области исторической науки — Николая Михайловича Лукина (1885 — 1940). Двоюродный брат Н.М. Бухарина, одного из ведущих большевистских теоретиков, сам большевик с 1904 г., принимавший участие во всех российских революциях, Н.М. Лукин уже с конца 1918 г. был брошен, говоря языком того времени, на "исторический фронт", где стал для исследователей всеобщей истории таким же "комиссаром" партии, каким для специалистов по отечественной истории был М.Н. Покровский. Уже в 20-е годы Н.М. Лукин играл ведущие роли практически во всех основных научных и учебных заведениях Москвы, занимавшихся изучением истории: на факультете общественных наук Московского университета, в Университете им. Я.М. Свердлова, в Институте истории РАНИОН, в Коммунистической академии, в Институте красной профессуры, Обществе историков-марксистов. В 1930-е, после смерти М.Н. Покровского, академик Н.М. Лукин стал наиболее высокопоставленным государственным функционером в области исторических исследований. Возглавляя Институт истории Комкакадемии (с 1932 г.), а после объединения ее в 1936 г. с Академией наук — Институт истории АН СССР, он занимал также посты главного редактора журнала "Историк-марксист" (с 1933 г.) и заведующего кафедрой новой истории Московского университета (с 1934 г.). На протяжении почти 20 лет Н.М. Лукин оказывал определяющее влияние на развитие советских исследований по новой истории Запада и, в частности, по истории Французской революции XVIII в., являвшейся одним из приоритетных направлений его собственных научных изысканий.

Даже после того, как в 1938 г. Н.М. Лукин был репрессирован, его многочисленные ученики занимали ведущие позиции в академической науке вплоть до 80-х годов. Более всего это касалось ис-

* К истокам (лат.).

следователей Французской революции. Выходцы из "школы Лукина" Альберт Захарович Манфред (1906 – 1976) и Виктор Моисеевич Далин (1902 – 1985) оставались бесспорными лидерами советской историографии с 50-х годов и до конца своих дней. Мне кажется глубоко символичным то, в общем-то случайное, совпадение, что 1985 год, когда ушел из жизни последний ученик Лукина – В.М. Далин, стал первым годом "перестройки" в СССР и фактически началом конца советской историографии Французской революции¹. Разумеется, эта историография отнюдь не исчерпывалась трудами "школы Лукина", однако именно последняя задавала ей тон на протяжении всей советской эпохи.

С посмертной реабилитацией Н.М. Лукина в годы хрущевской "оттепели" его жизнь и деятельность стали темой целого ряда статей и книг. Их авторы (многие были учениками покойного академика) довольно подробно освещали биографию Н.М. Лукина и в сжатом виде знакомили читателей с содержанием его трудов. Последнее, несомненно, было необходимо, так как после ареста Н.М. Лукина его публикации были изъяты из научного оборота и в основной своей массе (за исключением вошедших в 1960 – 1962 гг. в трехтомник "Избранных трудов") оказались недоступны широкой публике. Разумеется, о каком-либо критическом анализе научного творчества Н.М. Лукина в этих биографических работах не могло быть и речи, поскольку такой анализ предполагает определенную отстраненность ученого от объекта исследования – "взгляд со стороны", а указанные авторы никоим образом не отделяли себя от заложенной Н.М. Лукиным историографической традиции, а потому находились "внутри" этого объекта. Теперь советская историография принадлежит прошлому, и сегодня, думаю, мы уже обладаем достаточной отстраненностью для того, чтобы попытаться критически проанализировать творчество одного из ее основателей, дабы понять механизм формирования советской интерпретации Французской революции.

В этой главе мы подробно рассмотрим ряд работ Н.М. Лукина о Французской революции, ставших не только главными вехами в его творчестве как исследователя данной темы, но и немаловажными рубежами его научной карьеры в целом.

* * *

Авторы биографий Н.М. Лукина практически единодушно утверждали, что к тому моменту, когда пришедшая к власти партия большевиков направила его на руководящую работу в систему преподавания и изучения истории, он был уже вполне сложившимся ученым, обладавшим солидным профессиональным опы-

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ 2000. М., 2000.

том. "Его годами накопленные громадные знания в истории, — писал А.З. Манфред, — были целиком поставлены на службу революционному пролетариату"². И по мнению В.А. Гавриличева, "сразу же после революции 1917 г. он [Н.М. Лукин] выступил в качестве крупнейшего знатока Великой французской революции"³.

В подтверждение биографы Н.М. Лукина ссылались на его раннее исследование "Падение Жиронды", выполненное в период учебы на историко-филологическом факультете Московского университета и представленное в 1909 г. в качестве дипломного сочинения. Однако большинство из них с текстом этой работы знакомы не были. Долгие годы она считалась утраченной, о чем, в частности, и сам ее автор много лет спустя говорил на I Всесоюзной конференции историков-марксистов: "Я изучал падение Жиронды, но моя кандидатская работа оказалась погребенной в университетских архивах"⁴. По словам Н.М. Лукина, своим исследованием он доказывал, что "падение Жиронды надо объяснять массовым движением на почве продовольственного кризиса, который начинается с конца 1792 г. и развертывается в начале 1793 г."⁵. Эта реплика академика позволила некоторым его биографам заключить, что в своем дипломном сочинении молодой историк "в известной степени предвосхитил Маттеза"⁶, чей классический труд "Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху Террора" увидел свет только в 1927 г.

И.С. Галкин в подтверждение высокого качества ранней работы Н.М. Лукина ссылался на мнение его научного руководителя Р.Ю. Виппера, выраженное в частной беседе: «С ним [Лукиным] было интересно и полезно заниматься. Он много читал, ценил источники, погружался в их анализ... Он увлеченно и плодотворно исследовал Французскую революцию. Его дипломное сочинение "Падение Жиронды" было свежо, оригинально»⁷. Справедливости

² Манфред А.З. Николай Михайлович Лукин // Европа в новое и новейшее время: Сборник статей памяти академика Н.М. Лукина. М., 1966. С. 8.

³ Гавриличев В.А. Н.М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой французской революции // ФЕ 1964. М., 1965. С. 255.

⁴ Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 2. С. 105.

⁵ Там же.

⁶ Далин В.М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981. С. 75. Ср.: Гавриличев В.А. Указ. соч. С. 255.

⁷ Цит. по: Галкин И.С. Н.М. Лукин — революционер, ученый. М., 1984. С. 54. Любопытно, что и академик Н.М. Дружинин, вместе с Н.М. Лукиным посещавший в университете семинар Р.Ю. Виппера, спустя более полувека характеризовал бывшего однокашника почти теми же словами: "Н.М. Лукин вспоминается мне как вдумчивый студент, всегда серьезный, погруженный в исторические источники, сосредоточенный на их научном анализе и обобщении". — Дружинин Н.М. Н.М. Лукин в большевистском подполье // Европа в новое и новейшее время. С. 49—50.

ради заметим, что это суждение 88-летний академик высказал уже в 1947 г., спустя 38 лет после того, как, прочтя дипломную работу своего ученика, поставил ему "весьма удовлетворительно" — высший балл по тогдашней шкале оценок.

И только в середине 80-х годов, словно подтверждая известный афоризм "рукописи не горят", сочинение Н.М. Лукина "Падение Жиронды" было обнаружено в Центральном государственном историческом архиве города Москвы (ныне — Центральный исторический архив города Москвы⁸) известным отечественным историографом В.А. Дунаевским. По его же инициативе были сделаны фотокопии этого документа, а затем машинописная распечатка. Работу предполагалось опубликовать в выпуске "Французского ежегодника", посвященном 200-летию юбилею Французской революции, от чего, однако, из-за большого объема рукописи (около 4 а.л.) пришлось отказаться, и фотокопии вместе с машинописным экземпляром остались в архиве редакции. В результате первое проведенное Н.М. Лукиным самостоятельное исследование так в научный оборот и не попало, а тем, кого оно могло заинтересовать, приходилось верить на слово авторам последней из его биографий, которые имели возможность ознакомиться с указанной рукописью: «Работа "Падение Жиронды" представляла собой отнюдь не ученическое сочинение, а во многих отношениях зрелое научное исследование, в котором выдвигались определенные идеи, находившие убедительное обоснование. В ней отчетливо проявилась глубокая приверженность автора марксизму»⁹.

Особо отметим последнюю часть фразы, которая требует отдельного комментария. Если в период работы над "Падением Жиронды" Н.М. Лукин еще только дебютировал как историк, то в социальном и политическом плане он был уже вполне состоявшимся человеком. Активист РСДРП, он принимал самое активное участие в первой русской революции, и к ее завершению являлся влиятельным деятелем партии — членом ее Московского комитета. Арестованный в 1907 г., он после четырехмесячного заключения был сослан в Ярославль, откуда смог вернуться в Москву только в конце 1908 г.¹⁰ Таким образом, его приверженность марксизму носила отнюдь не академический характер, а являлась убеждением опытного политического бойца.

Обратимся теперь собственно к тексту "Падения Жиронды". То, что немногочисленные историки, имевшие возможность лично ознакомиться с дипломным сочинением Н.М. Лукина, подчеркнули его приверженность марксизму, далеко не случайно.

⁸ ЦИАГМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 4978. Далее ссылки на этот документ даются в тексте главы.

⁹ Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Николай Михайлович Лукин. М., 1987. С. 27. Курсив мой — А.Ч.

¹⁰ Галкин И.С. Указ. соч. С. 48 — 52.

Именно она составляет, пожалуй, единственную оригинальную черту данной работы. Все остальные ее достоинства, априорно предполагавшиеся биографами Н.М. Лукина, обнаружить в тексте, увы, не удастся.

Это относится и к количеству привлеченных источников, и к качеству их использования. По сути, "Падение Жиронды" представляет собой реферат трех трудов французских авторов: "Истории Террора" М. Терно¹¹, "Политической истории Французской революции" А. Олара¹² и "Социалистической истории" Ж. Жореса¹³. Эпизодически встречаются также ссылки на книгу А. Лихтенберже "Социализм и французская революция"¹⁴. Иначе говоря, в том, что касается фактов, включая данные по продовольственному вопросу в первой половине 1793 г., работа Н.М. Лукина, безусловно, вторична. Если ее автор в чем-то и "предвосхищал" А. Матьеза, то ничуть не в большей степени, чем историки, на работы которых он опирался.

Круг привлеченных в "Падении Жиронды" документальных источников ограничивается собранием протоколов Якобинского клуба, изданных А. Оларом¹⁵. Правда, использование их в работе Н.М. Лукина носит скорее вспомогательный, иллюстративный характер. Но даже будучи таковым, оно, увы, произведено крайне небрежно. И дело не только в том, что, цитируя протоколы Якобинского клуба, автор постоянно ошибается с номерами страниц или одни цитаты переводит, а другие нет, и может даже, начав цитату по-русски, в середине фразы оборвать перевод и перейти на французский (А. 70б). Гораздо хуже, что он путает имена выступавших и приписывает слова П.Ж.М. Шаля П.А. Бентаболю (А. 16), Ж.М. Купе — Б. Бареру (А. 20 — 20об.), К. Демулена — Л.А. Сен-Жюсту (А. 22), П.Ф.Ж. Робера — М. Робеспьеру (А. 73). Иными словами, в тексте работы при всем желании довольно трудно найти подтверждение позднему свидетельству Р.Ю. Вишпера о том, что его ученик "много читал, ценил источники, погружался в их анализ".

Впрочем, сам автор "Падения Жиронды" большой необходимости в таком "погружении", похоже, и не испытывал. В его рабо-

¹¹ *Ternaux M. Histoire de la Terreur, 1792—1794: In 7 vols. P., 1862—1869.*

¹² *Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789—1804). М., 1902.*

¹³ *Histoire Socialiste (1789—1900) / Sous dir. de J. Jaurès. P., 1901—1908.* М.Н. Лукин использовал написанные Жоресом 3-й и 4-й тома, посвященные истории Конвента. Кроме того, он ссылался на русское издание первого тома этой работы: *Жорес Ж. История Великой французской революции. СПб., 1907. Т. 1.*

¹⁴ *Лихтенберже А. Социализм и французская революция. СПб., 1907.* В позднейшей отечественной историографии имя этого автора чаще транскрибируется как "Липтанберже".

¹⁵ *Recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris / Ed. par A. Aulard: In 6 vols. P., 1889—1897.* Н.М. Лукин использует тома 4 и 5 этого издания.

те не ставилось какой-либо эвристической задачи, ответ на которую нужно было бы искать, анализируя источники. Уже в самом начале исследования он обозначил жесткую методологическую схему объяснения конфликта между жирондистами и якобинцами как конфликта классового. В основе его, согласно Н.М. Лукину, лежало противоречие между "крупной буржуазией", представленной жирондистами, и "народными низами" ("мелкой буржуазией и пролетариатом"), на которых опирались якобинцы. По отношению к данной схеме собственно факты играли сузубо подчиненную роль и приводились автором скорее для иллюстрации, нежели обоснования. Поэтому-то для него и не имело принципиального значения, откуда — из источников или из работ других историков — черпать фактический материал, выступавший своего рода "наполнителем" изначально заданной методологической формы. И даже если подобный материал сопротивлялся жестким рамкам схемы, это никоим образом не побуждало автора к ее изменению, что вызывало определенные логические противоречия в содержании работы. Приведу некоторые примеры.

Наиболее ярко, по мнению Н.М. Лукина, связь Жиронды с "крупной буржуазией" проявилась при обсуждении проекта отправки из департаментов в Париж стражи для охраны Конвента, а также в ходе процесса над королем (Л. 73).

Говоря о дискуссии по первому из этих вопросов, М.Н. Лукин цитирует выступления Барбару и Бюзю, предлагавших набирать департаментскую стражу из людей, достаточно состоятельных, чтобы самостоятельно экипироваться и некоторое время прожить в столице за свой счет. Отсюда следует вывод: "Итак, проект Жиронды создать вооруженную охрану Конвента является попыткой опереться на крупную буржуазию, враждебно относившуюся к дальнейшему развитию революции, против революционного Парижа, где преобладали низшие и средние слои общества" (Л. 13об.). Правда, тут же автору приходится объяснять, почему отряды федератов, созданные в департаментах якобы "контрреволюционной крупной буржуазией", вскоре по прибытии в Париж поддержали монтаньяров. Объяснение это, надо признать, несколько смахивает на словесную эквилибристику: "Изменение в настроении федератов, совершившееся в революционной атмосфере Парижа, еще ничего не говорит о непрочности контрреволюционного настроения в тех общественных слоях, которые они представляли" (Л. 14). Иначе говоря, никакие проявления со стороны федератов революционной экзальтации не способны повлиять на изначально заданный автором тезис о том, что "крупная буржуазия", которую они "представляли", была "контрреволюционной".

Не менее произвольно молодой историк обращается с фактами, доказывая, что и в процессе над королем позиция жирондистов отражала интересы все той же "крупной буржуазии". Процитировав выступление Верньо, где лидер жирондистов предложил

воздержаться от казни короля, дабы не спровоцировать вступление в войну против Франции новых держав, что неизбежно привело бы к подрыву французской торговли и падению курса ассигнатов, Н.М. Лукин заключает:

"Когда читаешь эту речь Верньо, кажется, что говорит сама блестящая торговая буржуазия Бордо, представителем которой был знаменитый оратор Жиронды. В самом деле: лейтмотив его речи — опасение за благосостояние французской торговли и за устойчивость государственных финансов. Но опасения, высказанные Верньо, могли тревожить, прежде всего, крупную торговую и промышленную буржуазию..." (Л. 31-31об.).

При этом автор не замечает, что противоречит самому себе, ведь не далее как на первых страницах своей работы он констатировал, что расстройство государственных финансов и падение курса ассигнатов "должно было особенно тяжело отозваться на положении народных масс" (Л. 5об.). Впрочем, едва ли не на следующей странице после приведенной выше оценки речи Верньо Н.М. Лукин опять замечает, что "заминка в промышленности и дороговизна продуктов, вызванная падением курса ассигнаций, спекуляцией с бумажными деньгами и войной", вела к "прогрессивному ухудшению материального положения парижской бедноты" (Л. 32). То есть и этот аргумент в пользу того, что жирондисты защищали интересы "крупной буржуазии", оказывается с точки зрения логики далеко не безупречным.

Впрочем, это далеко не единственное противоречие работы. Стремление во что бы то ни стало найти классовую подоплеку в политических событиях порою приводит автора к весьма парадоксальным заключениям. Так, широко заимствуя из книги А. Олара фактический материал, свидетельствующий о столкновении интересов столицы и провинции, лежавшем, по мнению французского историка, в основе конфликта монтаньяров и жирондистов, и механически прикладывая к этому материалу схему классового подхода, Н.М. Лукин рисует совершенно удивительную картину, где территориальное деление Франции фактически совпадает с классовым:

"Якобинцы может быть инстинктивно уже чувствовали, что эта тяжба между Парижем и департаментами означает нечто большее. Так, например, Фабр видит в ее осуществлении зародыш гражданской войны...; и мы могли бы добавить — громадной войны между различными классами французского общества. В самом деле, жирондисты боялись Парижа; но какого Парижа? — Парижа народных низов: мелкой буржуазии и пролетариата... Против этих общественных групп Жиронда могла апеллировать только к общественным верхам: крупной буржуазии провинциальных городов и землевладельцам" (Л. 12-12об.).

Любопытно, что ни одна из работ французских историков, на которые опирался Н.М. Лукин, не дает никаких фактических оснований для столь упрощенной трактовки проблемы в духе наив-

ного социологизма. Впрочем, автор "Падения Жиронды" явно не придавал большого значения возможному несоответствию фактов принятой им методологической схемы. Его марксизм носил ярко выраженный догматический оттенок, это был скорее марксизм пропагандиста (кстати, именно такую функцию Н.М. Лукин выполнял в своей партии), нежели исследователя.

Такое отношение к марксизму хорошо видно в полемике Н.М. Лукина с Ж. Жоресом. Последний тоже был не чужд марксистской методологии объяснения истории и считал К. Маркса (наряду с Ж. Мишле и Плутархом) мыслителем, оказавшим на него, Жореса, наибольшее влияние. При этом воззрениям французского историка были свойственны значительная гибкость и плюрализм. Далекий от жесткого экономического детерминизма, он готов был искать объяснения тех или иных исторических явлений не только в сфере экономики, но и в области политики (за которой признавал известную автономию по отношению к экономике), культуры, социальной психологии. Так, в борьбе Горы и Жиронды он видел, прежде всего, столкновение политических партий, а не классов, поскольку между социальными концепциями монаньяров и жирондистов не было принципиальных различий.

Подобный взгляд на вещи вызывает у Н.М. Лукина резкое неприятие, ведь всякое отступление от экономического детерминизма оставляет лазейку для проникновения в историю случайного, а значит, угрожает вере в непреложное действие открытых Марксом исторических законов. Отповедь следует незамедлительно:

«...Соображения Жореса, действительно, следует признать "поверхностными". Ведь все эти объяснения в лучшем случае могут доказать, почему вокруг Роланов сгруппировались определенные личности..., но политическое поведение жирондистской партии остается чем-то случайным. Конечно, во всякой политической борьбе проявляются человеческие страсти, но они всегда лишь отражают более глубокие конфликты, лежащие в самой общественной жизни, в взаимоотношении различных классов. В общем, точку зрения Жореса можно назвать невыдержанной и противоречивой» (Л. 69об. — 70).

Чем же интересна для нас первая научная работа Н.М. Лукина? Нужно ли нам было уделять столько внимания этому квалификационному сочинению, так и оставшемуся неопубликованным? Убежден, что нужно. Во-первых, анализ этого текста позволяет нам выявить некоторые особенности исследовательского почерка его автора, которые, как мы увидим дальше, проявились и в более поздних его трудах. А во-вторых, к тому времени, когда Н.М. Лукин стал "одним из зачинателей советской исторической школы"¹⁶, других научных работ, кроме "Падения Жиронды", у него и не было.

¹⁶ Манфред А.З. Указ. соч. С. 7.

Первая опубликованная научная работа Н.М. Лукина была также посвящена Французской революции. Книга "Максимилиан Робеспьер" вышла в 1919 г., а пять лет спустя увидело свет ее дополненное и переработанное издание.

Жанр этого сочинения разные авторы определяли по-разному. Сам Н.М. Лукин вполне отдавал себе отчет в его популярном характере и в общем-то не претендовал на то, что написал исследование. Об этом, на мой взгляд, свидетельствует его реплика в предисловии ко второму изданию, где он отмечает, что книгой "пользовались и пользуются как учебным пособием в наших комуниверситетах и партшколах второй ступени"¹⁷. Однако в позднейшей советской историографии ее, напротив, неизменно трактовали как первую опубликованную исследовательскую работу Н.М. Лукина. Так, по мнению В.М. Далина, она, "будучи доступной широкому кругу читателей, являлась вместе с тем законченным научно-исследовательским очерком, написанным по первоисточникам"¹⁸. Почти дословно повторил эту оценку и В.А. Гавриличев: "...Книга, будучи доступной широкому кругу читателей, была оригинальным исследованием, основанным на изучении первоисточников"¹⁹. Как "первый большой научный труд ученого" определяли ее В.А. Дунаевский и А.Б. Цфасман²⁰.

Почему же в исторической литературе возникло подобное расхождение в оценках жанра данной работы? Возможно, повод этому дала следующая фраза Н.М. Лукина из упомянутого предисловия: "Популярный характер книжки сохранен, хотя у автора было большое искушение придать ей характер научного исследования. Впрочем, специалисты-историки без труда, вероятно, заметят, что работа в значительной степени написана на основании изучения первоисточников"²¹.

В списке использованных источников и литературы, приложенном автором ко второму изданию "Максимилиана Робеспьера"²², действительно, приведен ряд публикаций документов. Это и упоминавшееся выше издание протоколов Якобинского клуба под редакцией А. Олара (тома 3—6), и газета *Moniteur Universel* за 1792—1794 гг., и полное собрание французских законов под редак-

¹⁷ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер // Лукин Н.М. Избранные труды. С. 16. Курсив мой. — А.Ч.

¹⁸ Далин В.М. Николай Михайлович Лукин // Лукин Н.М. Избранные труды: В 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 7.

¹⁹ Гавриличев В.А. Указ. соч. С. 257.

²⁰ Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Указ. соч. С. 65.

²¹ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер. С. 16.

²² См.: Там же. С. 155—156.

цией Ж. Дювержье²³, и знаменитая "Парламентская история Французской революции" П. Бюше и П. Ру²⁴, и собрание парламентских протоколов²⁵.

Однако означает ли это, что книга и в самом деле была выполнена в жанре научного исследования? Внимательное ознакомление с ее текстом заставляет усомниться в правомерности такого вывода. И дело отнюдь не в отсутствии научного аппарата. В конце концов, историографии известно немало работ, выходящих без подстрочных ссылок, тем не менее считавшихся исследовательскими, например "Социалистическая история французской революции" Ж. Жореса. Решающее значение для определения той или иной работы в качестве исследовательской имеет не наличие в ней научного аппарата, хотя его отсутствие, конечно, затрудняет оценку обоснованности выводов автора, а соответствие самого ее содержания законам жанра исследования. В отличие от популяризатора, чья задача состоит в занимательном и доступном широкому читателю изложении уже готовых результатов своих или чужих изысканий, исследователь имеет дело с еще нерешенной научной проблемой и решает ее путем анализа источников. Иными словами, механизм любого исторического исследования, в конечном счете, сводится к цепочке операций: постановка проблемы — анализ источников — решение проблемы. В книге же Н.М. Лукина "Максимилиан Робеспьер" подобный механизм, увы, отсутствует.

Само по себе привлечение источников еще не делает работу исследованием. Важно, чтобы их выбор отвечал поставленной задаче. А какую задачу можно было бы решить на основе очерченного выше круга источников? В подавляющем своем большинстве эти документы отражают перипетии политической жизни, причем в основном Парижа, или, если еще точнее, работу центральных органов власти. Соответственно, подобный круг источников вполне мог бы стать основой для изучения публичной стороны политической, прежде всего парламентской, деятельности Робеспьера. Так, из этих документов можно узнать, что он говорил по тому или иному поводу в Конвенте или Якобинском клубе и какие отклики в данной аудитории получило его выступление. О внутренней же подоплеке событий, к примеру о борьбе мнений внутри Комитета общественного спасения, по этим источникам судить уже трудно.

Однако к тому времени, когда Н.М. Лукин приступил к работе над своей книгой, политическая биография Робеспьера была уже достаточно подробно изучена французскими исследователя-

²³ *Duvergier J. Collection complète des lois, décrets, ordonnances, avis du Conseil d'Etat. P., 1824 — 1878.*

²⁴ *Buchez P., Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française. P., 1834 — 1838.*

²⁵ *Archives parlementaires de 1787 à 1860, recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises. Sér. 1. P., 1867 — 1896.*

ми, в частности Э. Амелем, А. Оларом и А. Матъезом, причем на основе несравнимо более широкого круга источников, чем те, которые имелись в распоряжении советского историка. Впрочем, состязаться с ними он и не пытался. Работы Э. Амеля, А. Олара и А. Матъеза, так же, как и ряд других наиболее значимых трудов о Революции, вышедших на русском и французском языках в конце XIX — начале XX в., Н.М. Лукин знал, в списке литературы упомянул и, скорей всего, использовал, рисуя общую канву жизни и политической деятельности своего героя. Во всяком случае, ничего нового в этом отношении он, по сравнению с указанными историками, не сообщил, а материал собственно источников если и привлекал, то исключительно в иллюстративных целях: время от времени в тексте встречаются цитаты из выступлений Робеспьера, приводимые практически без какого-либо критического комментария.

Впрочем, книга Н.М. Лукина обладала и ярко выраженными оригинальными чертами, существенно отличавшими ее от трудов большинства современных ему историков. Эта оригинальность определялась столь же последовательным применением автором классового подхода, как и в "Падении Жиронды". По сути, кроме Робеспьера, в сочинении Н.М. Лукина нет живых людей. На изображенной историком сцене Революции действуют некие абстрактные фигуры — "классы", "социальные слои", "массы", среди которых мечется одинокая фигура Неподкупного. Если другие деятели Революции изредка и упоминаются, то исключительно как представители определенных "партий", которые, в свою очередь, "выражали интересы" тех или иных "классов" или "слоев". Так, фейянов (фельянов), по утверждению автора книги, "поддерживала умеренно-либеральная финансовая буржуазия и фабриканты, производившие предметы роскоши"²⁶. Жирондисты представляли "наиболее прогрессивную крупную торгово-промышленную буржуазию провинциальных городов", "крупных хлеботорговцев и зажиточных сельских хозяев"²⁷. "Дантонисты были представителями интересов буржуазной интеллигенции — журналистов, врачей, адвокатов, молодых ученых, артистов и художников"²⁸. "Группа Шометта представляла в Коммуне интересы беднейшей мелкой буржуазии"²⁹. "Бешеные" опирались "на рабочих-кустарей, ремесленных подмастерьев, вообще на людей без собственности, городскую бедноту"³⁰.

Хотя, в отличие от схематичных изображений других деятелей Революции, портрет Робеспьера написан Н.М. Лукиным достаточ-

²⁶ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер. С. 58.

²⁷ Там же. С. 58, 61, 63, 76, 83.

²⁸ Там же. С. 129.

²⁹ Там же. С. 133.

³⁰ Там же. С. 134.

но подробно, с прорисовкой определенных индивидуальных черт, все же роль Неподкупного в Революции он также во многом сводит к выполнению аналогичных "представительских функций". Робеспьер для него, прежде всего, "типичный представитель" якобинцев — "партии мелкой буржуазии"³¹. На протяжении всей книги Н.М. Лукин не раз подчеркивает, что позиция якобинцев и их лидера Робеспьера по тем или иным вопросам политики определялась исключительно интересами их "классовой опоры", которую автор характеризует с разной степенью конкретизации — от абстрактных "мелкой буржуазии" или "городской и сельской демократии" до более определенных социальных категорий — "мелкие фермеры и крестьяне, производившие на рынок", "самостоятельные мастера, мелкие лавочники и хозяйственные мужички"³².

Такой, возведенный в абсолют классовый подход, когда роль отдельной личности в истории сводится исключительно к выражению и проведению в жизнь интересов некоего "класса", был для Н.М. Лукина принципиальной позицией. Именно подобный подход, считал он, должен отличать "современного историка, стоящего на точке зрения пролетариата", от всех остальных: "Для него Робеспьер прежде всего — представитель определенного класса. Чисто личные, индивидуальные черты вождя революции всегда будут у него на втором плане, и не на них он будет строить свои заключения. Роль Робеспьера в революции будет оцениваться с точки зрения тех объективных исторических условий, в которых развертывалась Великая революция, с точки зрения тех исторических задач, выполнение которых выпало на долю его социальной группы — мелкой французской буржуазии конца XVIII в."³³.

Однако установить путем исторического исследования подобную классовую подоплеку деятельности хотя бы одного из видных участников Французской революции — задача технически весьма сложная и трудоемкая, если вообще решаемая. Тот историк, кому удалась бы с ней справиться, несомненно, заслуживал бы самой высокой профессиональной оценки. Действительно, ему пришлось бы сначала доказать, что та или иная из подобных социальных категорий — "мелкая буржуазия" или, к примеру, "хозяйственные мужички" — представляла собой не абстрактную категорию, а вполне реальную общественную группу, достаточно гомогенную для того, чтобы иметь свои особые, специфические интересы, не только разделяемые всеми ее членами, но и осознаваемые как таковые (ведь только осознавая их, можно было бы поддерживать "партию", выражающую эти интересы). Далее, этот историк должен был бы доказать, что данная "партия" такие интересы и в самом деле выражала.

³¹ Там же. С. 132.

³² Там же. С. 75, 90 — 91, 98.

³³ Там же. С. 149.

Впрочем, можно сколько угодно размышлять о том, что еще пришлось бы сделать этому гипотетическому историку, поставившему себе подобную исследовательскую задачу, для нас важно то, что в работе Н.М. Лукина она не только не была решена, но и не ставилась. Все его рассуждения на сей счет носили сугубо аксиоматический характер. Читателю фактически предлагалось верить автору на слово, что во Франции XVIII в. такие "классы" и "социальные группы", действительно, существовали и что соответствующие "партии" на них опирались.

Описывая "крайности социологизирования" в общественных науках 20-х годов, А.З. Манфред приводит в пример одного литературоведа, который "связывал романтический пессимизм героев поэзии Лермонтова с падением цен на зерно на европейском рынке"³⁴. Однако, в сравнении с концепцией работы Н.М. Лукина "Максимилиан Робеспьер", рассуждения этого литературоведа смотрятся все же несколько более убедительно, ибо, в конце концов, он говорит о двух вполне достоверных фактах, которые сами по себе в дополнительных доказательствах не нуждаются: с одной стороны, романтический пессимизм героев Лермонтова, с другой — падение цен на зерно. Сомнение вызывает лишь произвольная констатация причинно-следственной связи между этими фактами.

В отличие же от указанного литературоведа, Н.М. Лукин оперирует не фактами, а некими абстрактными категориями ("мелкая буржуазия", "сельская демократия" и т.д.), связь которых с социальной реальностью отнюдь не очевидна и сама по себе еще нуждается в доказательстве. Тем не менее поверх одной абстракции выстраивается другая — столь же аксиоматическое утверждение о детерминации действий лиц и "партий", участвовавших в Революции, некими "интересами" вышеупомянутых умозрительных существ, поверить в реальность которых читателю и так уже предложили на слово.

Как видим, эта работа Н.М. Лукина выстроена по той же самой схеме, что и "Падение Жиронды": изначально задается жесткая теоретическая конструкция, наполняемая затем фактическим материалом. По сути, это практически та же самая конструкция, которую Н.М. Лукин использовал и в своем дипломном сочинении. Только если там она применялась для интерпретации лишь одного из эпизодов Революции, то теперь экстраполирована на революционный период в целом. Причем некоторые ее элементы перенесены из одной работы в другую практически в неизменном виде. Это, в частности, относится к упомянувшейся выше трактовке конфликта между жирондистами и монтаньярами как классового противостояния крупной и мелкой буржуазии. А чтобы объяс-

³⁴ Манфред А.З. Указ. соч. С. 6, примеч. 2.

нить, почему жирондистов больше поддерживала провинция, а монтаньяров — Париж, Н.М. Лукин опять аксиоматически формулирует свой прежний тезис: Париж в конце XVIII в. — “типичный мелкобуржуазный город”³⁵; напротив, “крупные предприниматели и оптовые торговцы” — “внушительная социальная сила преимущественно в крупных провинциальных центрах”³⁶. Автор, похоже, не замечает, что его тезис о “мелкобуржуазности” столицы Франции довольно слабо согласуется с теми фактами, которые он сам же приводит, видимо, по работам других историков:

“Ее [буржуазии] золотую верхушку составляли банкиры, снабжавшие правительство деньгами, откупщики налогов, пайщики привилегированных торговых компаний ... Вся эта масса государственных кредиторов, чтобы быть в курсе всех перемен в политике, жила постоянно в Париже”.

“За последние годы перед революцией в Париже и других больших городах наблюдалась настоящая строительная горячка; целые кварталы с тесными кривыми улочками заменялись прямыми широкими проспектами с большими домами, принадлежавшими преимущественно буржуазии... Возник богатый слой домовладельческой буржуазии, почти отвоевавшей Париж у знати и духовенства”³⁷.

Следуя априорно заданной схеме объяснения Революции, автор “Максимилиана Робеспьера” не придает большого значения не только логической согласованности приводимых им сведений, но и хронологии изложения. В ряде случаев он даже допускает хронологические инверсии, трактуя более поздние события как причину более ранних. Так, сентябрьскую резню в тюрьмах 1792 г. он интерпретирует как стихийный ответ парижан на... “контрреволюционное восстание в Вандее”³⁸, которое, в действительности, началось лишь в марте 1793 г. А вот как описывается история разрыва между Дантоном и Робеспьером:

“...К концу 1793 г. республиканские войска стали одерживать крупные успехи над армиями коалиции; удалось разгромить и важнейшие очаги контрреволюции внутри страны. Дантонистам казалось, что при таких условиях революцию можно считать законченной, что пора перейти от диктатуры мелкой буржуазии и системы террора к нормальным конституционным порядкам... В отрицании необходимости дальнейшего террора Дантон решительно разошелся с Робеспьером. Разрыв с якобинцами означал устранение от власти: Дантон, до сих пор самый влиятельный член правительства, не был избран во второй Комитет общественного спасения (10 июля 1793 г.)”³⁹.

³⁵ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер. С. 35.

³⁶ Там же. С. 21.

³⁷ Там же. С. 20 — 21.

³⁸ Там же. С. 71 — 72.

³⁹ Там же. С. 130 — 131. Курсив мой. — А.Ч.

Подобные противоречия в изложении событий и в хронологии — а перечень их не ограничивается перечисленными выше — нельзя, на мой взгляд, объяснить якобы незнанием автором фактического материала. Речь ведь здесь идет не о расхождениях, например, между его выводами и данными источников, а о внутренних противоречиях работы — противоречиях между разными частями единого текста, когда одна из них опровергает другую. Думаю, это скорее свидетельствует о том малом значении, которое для автора имеет сам фактический материал. На первом месте для него стоит теоретическая схема интерпретации событий, и никакие факты, даже если они в нее не вписываются, не могут заставить его что-либо в ней изменить.

Вот почему, несмотря на привлечение Н.М. Лукиным при написании "Максимилиана Робеспьера" определенного круга источников, эта книга мало похожа на научное исследование. Ее жанр можно определить как историко-публицистический. Созданная в годы гражданской войны, она имела целью, с одной стороны, познакомить широкие круги читателей с французским революционным прецедентом, к которому большевистская пропаганда активно обращалась для исторической легитимации советской власти, с другой — популяризировала марксистскую интерпретацию истории, которая должна была доказать неизбежность и объективную закономерность победы большевиков.

О подобном характере книги Н.М. Лукина свидетельствуют и присутствующие в ней многочисленные анахронизмы, которые должны были убедить читателей в сходстве французских событий конца XVIII в. с реалиями российской революции. В предыдущей главе мы уже видели, как аналогичный метод использовался русской публицистикой времен революции 1905—1907 гг. Тем же путем шел и автор "Максимилиана Робеспьера". Правые депутаты Национального собрания превратились под его пером во "французских черносотенцев" и "сторонников неограниченного самодержавия", неприсягнувшие священники — в "черносотенных попов", Эбер — в "анархиста-индивидуалиста"⁴⁰. Франция во время революции, оказывается, "сбросила иго самодержавия"⁴¹, а "в департаменте Жиронды буржуазия организовала войско из белогвардейцев"⁴². Во французской деревне XVIII в. разворачивался конфликт между "кулаками" и "бедняками"⁴³, причем "кулацкие элементы" активно сопротивлялись продовольственной "разверстке"⁴⁴.

Тем не менее, несмотря на столь ярко выраженный публицистический характер, книга "Максимилиан Робеспьер" оказала

⁴⁰ Там же. С. 40, 58, 62, 134.

⁴¹ Там же. С. 65. "Королевское самодержавие" присутствует и на с. 113.

⁴² Там же. С. 107.

⁴³ Там же. С. 61, 127.

⁴⁴ Там же. С. 124.

большое влияние на развитие советской историографии, став первой после 1917 г. обобщающей работой отечественного автора о Французской революции. Именно по этому сочинению молодые советские историки усваивали в 20-е и 30-е годы основы марксистско-ленинской интерпретации французских событий конца XVIII в.

* * *

И все же главным вкладом Н.М. Лукина в изучение Французской революции XVIII в. специалисты по данной теме считают не эту книгу о Робеспьере, а две статьи об аграрной политике Конвента, увидевшие свет в 1930 г.⁴⁵ Даже спустя более полувека после их появления известный отечественный историк-франковед А.В. Адо отмечал: "До сих пор они остаются лучшим общим исследованием этой важной проблемы"⁴⁶.

Думаю, указанные статьи столь долго сохраняли свою научную актуальность во многом потому, что в основу их легли материалы французских архивов, собранные Н.М. Лукиным в ходе научной командировки 1928 г. Если для историков "русской школы" продолжительные поездки во Францию для работы в архивах были до 1917 г. нормой профессиональной жизни, то советские франковеды получили возможность побывать в изучаемой стране лишь в конце 20-х годов. Да и то чуть приоткрывшаяся калитка в "железном занавесе" вскоре захлопнулась почти на тридцать лет. Впрочем, и после того, как "оттепель" привела к возобновлению зарубежных командировок, они оставались уделом лишь немногих избранных. И такая ситуация сохранялась практически до самого конца советской власти. Еще относительно недавно, на заседании "круглого стола" 1988 г., ставшего важнейшей вехой на пути становления современной российской историографии Французской революции, один из представителей старшего поколения исследователей грустно констатировал: "Французские архивы нам недоступны и еще долго будут недоступны"⁴⁷. К счастью, он

⁴⁵ Лукин Н.М. Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума (сентябрь 1793 г. — декабрь 1794 г.) // Историк-марксист. 1930. Т. 16; Он же. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума // На боевом посту: Сб. к 60-летию Д.Б. Рязанова. М., 1930. В 1960 г. обе статьи вошли в 1-й том "Избранных трудов" Н.М. Лукина и далее цитируются именно по этому изданию.

⁴⁶ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 14.

⁴⁷ Сытин С.А. Революция в контексте XVIII в. // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы "круглого стола" 19–20 сентября 1988 г.). М., 1989. С. 52.

ошибся, но его реплика позволяет понять, почему число работ, написанных советскими историками на основе французских архивных материалов, можно пересчитать буквально по пальцам. Неудивительно, что такие исследования привлекали к себе повышенное внимание коллег и ценились ими особенно высоко.

Но даже если абстрагироваться от всех привходящих моментов и оценивать "аграрные" статьи Н.М. Лукина только по научным критериям, нельзя не заметить, что они, и в самом деле, разительно отличаются в лучшую сторону от написанного им ранее. Конечно, и к ним можно предъявить определенные претензии. Так, далеко не бесспорна примененная автором "методология примеров"⁴⁸, когда на основе трех-четырех частных фактов, относившихся к той или иной коммуне, реже к тому или иному департаменту, делались выводы о ситуации во Франции в целом. Не безупречен и научный аппарат этих статей: часть ссылок на архивные фонды практически не несет смысловой нагрузки, выполняя чисто "декоративную" функцию. Например, говоря о недостатке в 1793 г. рабочих рук в департаменте Нор, Н.М. Лукин ссылается не на конкретные документы, а сразу на 20 (!) картонов Национального архива⁴⁹. Учитывая, что в каждом из таких картонов обычно содержится по несколько десятков, а то и сотен единиц хранения, подобная ссылка имеет более чем относительную информативную ценность. Однако все эти частные недостатки "аграрных статей" Н.М. Лукина во многом компенсируются их главным достоинством — обильной насыщенностью фактическим материалом, который позволяет читателю получить довольно яркое впечатление о многих реалиях жизни французской деревни периода Революции.

Опыт работы с первоисточниками побудил автора, в частности, к расширению диапазона используемой терминологии. Если в своих предшествующих работах Н.М. Лукин, касаясь аграрных отношений, обозначал сельских производителей собирательным понятием "крестьянство" — понятием абстрактным и в официальных документах XVIII в. практически не применявшимся, то в указанных статьях он уже использует термины, которыми современники на деле обозначали различные категории земледельцев: *fermiers, laboureurs, cultivateurs, manouvriers, journaliers* и т.д. Подобная диверсификация понятийного аппарата, так же, как и широкое привлечение источников, позволяют автору нарисовать гораздо более многогранную, насыщенную характерными деталями, более объемную картину жизни французской деревни революционной эпохи, нежели та, что была представлена, к примеру, в "Максимилиане Робеспьере".

⁴⁸ Этот термин, довольно удачно, на мой взгляд, характеризующий подобный подход, я заимствовал у С.А. Сытина. См.: *Сытин С.А.* Указ. соч. С. 52.

⁴⁹ См.: *Лукин Н.М.* Революционное правительство... С. 233, примеч. 11.

Однако если воссоздание такой картины, несомненно, можно оценить как важное достоинство "аграрных" статей Н.М. Лукина, то, увы, того же нельзя сказать об ее интерпретации автором. Более того, при внимательном прочтении указанных работ складывается впечатление, что описание фактов и их объяснение находятся в совершенно разных плоскостях, существуют независимо друг от друга. А все потому, что и здесь, как и в более ранних трудах, Н.М. Лукин в своих рассуждениях идет не от фактов, а от заранее заданной теоретической схемы. И так же, как и там, факты сопротивляются ей, ну а поскольку на сей раз они представлены в гораздо большем объеме, это сопротивление особенно бросается в глаза. Впрочем, обо всем по порядку.

"Аграрные" статьи Н.М. Лукина предваряются ремаркой о том, что они являются частью готовящейся автором работы "Крестьянство и продовольственная политика революционного правительства"⁵⁰. Выбор этой темы, думаю, был обусловлен не только научными соображениями. После того, как в 1927 г. XV съезд ВКП(б) провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства, вопросы аграрной политики приобрели приоритетное значение для коммунистического режима. Политико-правовые меры в аграрной сфере сопровождались мощной пропагандистской кампанией. Ну а поскольку исторический опыт Французской революции традиционно служил для большевистской пропаганды неисчерпаемым источником аргументации в пользу самых разных поворотов политики, логично предположить, что, помимо чисто научных мотивов, такой закаленный "боец идеологического фронта", как Н.М. Лукин, в немалой степени руководствовался при выборе темы исследования и ее политической актуальностью. Во всяком случае, именно на эту мысль наводит предложенная им схема объяснения событий во французской деревне периода Революции.

Казалось бы, что может быть общего между коллективизацией в СССР и аграрной политикой Конвента? Действительно, почти ничего. Однако ссылки большевистской пропаганды на опыт Французской революции отличались известной гибкостью: его упоминали как в положительном, так и в отрицательном контексте. Сходство в определенных аспектах между якобинской политикой и политикой большевиков использовалось для легитимации последней. Напротив, для оправдания действий, не имевших прецедента во Французской революции, провозглашалось, что якобинцы потому, в конечном счете, и потерпели поражение, что не поступили в данном отношении так, как теперь поступают большевики. Именно такое "негативное цитирование" якобинского опыта и составляло идеологическую сверхзадачу "аграрных" статей Н.М. Лукина. С 1917 г. лейтмотивом политики большевиков по отношению к крестьянству, при всех ее поворотах, неизменно оста-

⁵⁰ Там же. С. 230, примеч. 1.

валась "опора на бедняка", и Н.М. Лукин постарался доказать, что "одной из важнейших предпосылок" падения якобинцев как раз и оказалась их неспособность заручиться поддержкой "деревенских пролетариев и полупролетариев". С этой изначально заданной идеологической схемой автор статей подошел к интерпретации фактов, почерпнутых из источников.

Любое сопоставление двух объектов или явлений, пусть даже подразумеваемое, предполагает наличие некоей общей системы координат, в рамках которой только и возможно такое сравнение. Стремясь задать подобную систему координат, Н.М. Лукин применил к французской деревне XVIII в. принятое в Советской России деление крестьян на "сельскую буржуазию" (кулаки), "мелкую буржуазию" (середняки) и "сельский пролетариат" (бедняки). Но в источниках, на которые он опирался, таких понятий нет. Там представлена, как уже выше сказано, совершенно иная, гораздо более сложная и более дробная "сетка" категорий сельского населения. Тем не менее Н.М. Лукин чисто механически наложил марксистскую социологическую схему на те реалии, о которых повествуют источники, и просто разделил различные, исторически существовавшие категории сельского населения Франции по трем указанным классам: в "сельскую буржуазию" у него попадали *cultivateurs aisés, riches propriétaires, gros fermiers, propriétaires en gros*; в "среднее крестьянство" — *cultivateurs, laboureurs, pauvres fermiers*; в "пролетарии и полупролетарии" — *petits cultivateurs, ménagers*⁵¹.

Однако уже на этом, начальном уровне интерпретации — уровне терминологии — между фактическим материалом источников и априорно заданной социологической схемой возникают серьезные противоречия. При всей расплывчатости русских понятий "кулак", "середняк" и "бедняк", дававшей, например, представителям советской власти на местах широкие возможности для произвола при определении кандидатов на "раскулачивание", эти термины все же имели общую основу, ибо соотносились с имущественным положением обозначаемых ими лиц. Во Франции Старого порядка не было столь же устойчивых и повсеместно принятых понятий, которые делили бы различные категории сельского населения по имущественному признаку. Помимо размера собственности, огромное, а нередко даже большее, значение имел также правовой статус земли, находившейся во владении земледельца, и его личный правовой статус. Ну а поскольку тот и другой в каждом конкретном случае во многом определялись кутюмами — действовавшими в данной местности нормами обычного права, которые от провинции к провинции достаточно широко варьировались, соответственно варьировалась и правовая терминология, употребляемая в разных областях для обозначения разных категорий сельского населения. Добавим сюда так-

⁵¹ Лукин Н.М. Борьба классов во французской деревне... С. 256—257.

же местную специфику словоупотребления, обусловленную широким распространением во Франции различных диалектов, когда одинаковые явления могли в разных областях называться по-разному и, наоборот, когда, казалось бы, общий термин мог в разных областях иметь разные смысловые нюансы. И хотя Революция взяла решительный курс на унификацию и права, и языка, эта терминологическая мозаика существовала в источниках, особенно локального происхождения, на протяжении всего революционного периода и даже позднее.

Характерно, что для каждой из трех классовых "ячеек" своей социологической схемы Н.М. Лукин взял сразу несколько французских эквивалентов. Однако даже их оказалось недостаточно, чтобы исчерпать все терминологическое богатство источников, и к каждому из "классов" автор по мере обращения к тем или иным источникам добавляет все новые категории населения, обозначаемые специфическими французскими терминами. Особенно много таких категорий попало в разряд "сельского пролетариата": «...Парцельное крестьянство (*petits cultivateurs, ménagers*) вынуждено было пополнять бюджет продажей своей рабочей силы в чужом хозяйстве. Именно оно поставляло главные кадры всякого рода деревенских поденщиков (*journaliers, manouvriers*), нанимавшихся в разгар полевых работ (*moissonneurs, faucheurs, batteurs*). Отсюда еще один характерный термин, применявшийся к этой группе, — "рабочие-собственники" (*manouvriers-propriétaires*). Помимо поденщиков, Н.М. Лукин отнес к сельскому пролетариату также "батраков" — *domestiques, valets*⁵².

К сожалению, Н.М. Лукин практически никак не комментирует ни критерии, по которым указанные категории населения попали в ту или иную классовую "ячейку", ни соотношение между ними внутри каждой из "ячеек": что, например, общего у "земледелец" (*cultivateur*) и "пахаря" (*laboureur*) и в чем различия между ними? Между тем, эти критерии далеко не столь очевидны, чтобы можно было поверить автору на слово относительно правомерности подобной классификации. Возьмем, например, класс "сельской буржуазии". Судя по всему, решающее значение для того, чтобы отнести к нему ту или иную социальную группу, упомянутую в источниках, Н.М. Лукин придавал наличию в обозначающем ее словосочетании прилагательных "зажиточный" (*aisé*), "богатый" (*riche*), "крупный" (*gros*). Оставляя за рамками вопрос об относительности подобных определений (представления о "зажиточности", к примеру, в областях "крупной культуры" и "мелкой культуры" могли существенно различаться⁵³), заметим, что решаю-

⁵² Там же. С. 258–259. См. также: Лукин Н.М. Революционное правительство... С. 230–231.

⁵³ Подробнее о региональных различиях в положении сельских жителей Франции конца XVIII в. см.: Аго А.В. Указ. соч. Гл. 1.

щее значение для идентификации социального и правового статуса указанных категорий здесь имеют все же обозначающие их существительные: "собственник" (*propriétaire*) или "арендатор" (*fermier*). А разница между этими правовыми состояниями была слишком велика⁵⁴, чтобы их автоматически можно было объединять под общей рубрикой, исходя лишь из общего определения "богатый". К тому же, слово *fermier* далеко не всегда означало собственно "фермера", а имело гораздо более широкий смысл арендатора вообще: при Старом порядке так, например, называли и откупщиков, то есть людей, берущих "в аренду" сбор налогов.

Кстати, учитывая широкий диапазон значений термина *fermier*, совершенно не понятны критерии причисления категории "бедных арендаторов" (*pauvres fermiers*) к "среднему крестьянству". В принципе под это понятие вполне мог попадать и крестьянин, не имеющий земельной собственности и арендующий под огород клочок соседских угодий, то есть скорее "бедняк", чем "средняк".

Не выглядит бесспорным и однозначное причисление "пахарей" (*laboueurs*) к "среднему крестьянству". Это весьма распространенное во Франции XVIII в. наименование тоже имело достаточно широкий диапазон значений, который отнюдь не сводился к смыслу русского термина "средняк". "Пахарями" могли, в частности, называть земледельцев в широком смысле слова, без какой-либо привязки к их имущественному статусу. Кстати, именно в таком значении термин *laboureur* употреблен в одном из документов, процитированных по-французски Н.М. Лукиным: там этим словом называют сельскохозяйственных рабочих, то есть, по классификации нашего автора, не "средняков", а "сельских пролетариев"⁵⁵.

Все то же самое можно сказать и о категории "земледельцев" (*cultivateurs*), также отнесенной Н.М. Лукиным к "среднему крестьянству". Применение этого термина было достаточно широким, и, как показывает сам автор, словом *cultivateur* в источниках порою называют крестьянина, "у которого нет ни лошадей, ни плуга" и который работает на поле соседа за право пользования его плугом⁵⁶.

Вызывает вопросы и наполнение Н.М. Лукиным последней из упомянутых им классовых ячеек. Здесь также к одному "классу" оказываются отнесены социальные категории, имеющие совершенно разный правовой статус: пусть хоть и мелкие, но *собственники*

⁵⁴ Статусу *собственника* земли во Франции конца XVIII – начала XIX в. придавалось особо важное значение: в частности, согласно революционным Конституциям 1791 г. и 1793 г., приобретение такого статуса уже само по себе давало его обладателю право претендовать на французское гражданство.

⁵⁵ Лукин Н.М. Революционное правительство... С. 233.

⁵⁶ Лукин Н.М. Борьба классов во французской деревне... С. 280.

(*manouvriers-propriétaires*) и "слуги" (именно такой перевод точнее, чем "батраки", передает смысл понятий *domestiques* и *valets*). Если первые обладали всей полнотой гражданских прав, то вторые, напротив, и в революционной Франции были в правах существенно ограничены: в частности, закон о выборах Национального Конвента особо оговаривал, что "слуги" к таковым не допускаются.

Иными словами, даже в первом приближении, только на уровне терминов, можно видеть, насколько соответствовавшие им исторические реалии были сложнее и многограннее той жесткой социологической схемы, с помощью которой Н.М. Лукин пытался их интерпретировать. Причем, в своих рассуждениях он шел, прежде всего, от схемы, волевым порядком втискивая в ее жесткие рамки весь фактический материал без какого-либо дополнительного обоснования.

Столь же свободным было и его обращение с хронологией. Чтобы наглядно продемонстрировать это читателю, я попробую представить основную линию рассуждений автора статьи "Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие" в виде серии последовательных тезисов, размещенных в левой половине страницы. Напротив них, справа, я приведу в хронологической последовательности датировку⁵⁷ документов, на которые соответственно ссылается Н.М. Лукин в подтверждение каждого из этих тезисов.

1. Дефицит рабочих рук в деревне привел к резкому росту заработной платы сельскохозяйственных рабочих, значительно опережавшему рост цен на хлеб, что вызывало недовольство работодателей — зажиточных крестьян ⁵⁸ .	5 октября 1793 г. 17 января 1794 г. 22 января 1794 г. 18 мая 1794 г. 9 июля 1794 г. 2 декабря 1794 г. 12 января 1795 г.
2. "Мелкобуржуазное революционное правительство неуклонно поддерживало" зажиточных крестьян, "широко практикуя реквизицию рабочей силы в деревне, развертывая антирабочую политику таксации заработной платы и сурово карая уклонение от реквизиций и малейшие попытки сельскохозяйственных рабочих добиться повышения заработной платы путем забастовок" ⁵⁹ .	11 сентября 1793 г. 16 сентября 1793 г. 29 сентября 1793 г. 21 октября 1793 г. 30 мая 1794 г. 6 июня 1794 г. 17 июня 1794 г. 8 июля 1794 г. 20 июля 1794 г. 4 сентября 1794 г. 8 сентября 1794 г.

⁵⁷ Для наглядности я привожу все даты по более привычному для нас григорианскому календарю, а не по революционному.

⁵⁸ Лукин Н.М. Революционное правительство... С. 232 — 236.

⁵⁹ Там же. С. 236 и далее.

<p>3. Сельскохозяйственные рабочие выражали недовольство подобными действиями правительства и оказывали им посильное сопротивление, прибегая к саботажу и стачкам⁶⁰.</p>	<p>21 октября 1793 г. 26 мая 1794 г. 18 июня 1794 г. 23 июня 1794 г. 29 июня 1794 г. 11 июля 1794 г. 21 июля 1794 г. 19 августа 1794 г. 24 августа 1794 г. 4 сентября 1794 г. 8 сентября 1794 г.</p>
<p>4. Местные власти в случаях таких конфликтов обычно "оказывались на стороне наемателей"⁶¹.</p>	<p>22 декабря 1793 г. 8 мая 1794 г. 18 мая 1794 г. 1 июня 1794 г. 1 июля 1794 г. Июнь-август 1794 г.</p>

И в завершение следует вывод:

"Суровое рабочее законодательство и его применение на местах, продиктованные интересами сельских хозяев, означали энергичное вмешательство властей в острую классовую борьбу, происходившую на грани жестокого продовольственного кризиса 1793 — 1794 гг., между сельскохозяйственными рабочими и их наемателями (...). В общем антирабочая политика революционного правительства лишила его симпатий тех деревенских слоев, на которые оно могло бы опираться в борьбе против единого фронта всех крестьян-собственников, создавшегося во французской деревне в результате применения системы реквизиций и твердых цен на хлеб. Тем самым создалась одна из важнейших предпосылок термидорианской реакции"⁶².

Если принять последовательность рассуждений автора, которые я в тезисном виде изложил в левой части страницы, данный вывод выглядит вполне логичным и в целом сомнений не вызывающим. Однако если внимательно присмотреться к датировке документов, привлеченных для его обоснования, сомнения все же возникают. Термидорианский переворот, положивший начало "термидорианской реакции", произошел, как известно, 27 июля

⁶⁰ Там же. С. 244 — 247.

⁶¹ Там же. С. 248 — 252.

⁶² Там же. С. 252 — 253.

1794 г. Автор же статьи, говоря о вызревании его "предпосылок", неоднократно обращается к источникам более позднего происхождения. В этом не было бы ничего странного, если бы в указанных документах речь шла о событиях, предшествовавших перевороту. Однако, в действительности, все эти источники отражают текущую на момент их появления ситуацию в деревне, то есть факты, имевшие место уже после Термидора. Иными словами, здесь мы вновь, как и в книге "Максимилиан Робеспьер", видим хронологическую инверсию — попытку представить более поздние события причиной ("предпосылкой") более ранних.

Между тем, порядок изложения событий здесь имеет решающее значение. Попробуем "развернуть" те же самые факты в хронологической последовательности. Итак...

Осень 1793 г. В условиях острого продовольственного кризиса и под давлением парижского плебса Конвент 29 сентября принимает декрет о "максимуме", то есть о государственном регулировании цен на товары и заработную плату. Однако в условиях дефицита рабочих рук, вызванного призывом значительной части деревенских жителей в армию, сельскохозяйственные рабочие требуют у нанимателей более высокой оплаты своего труда, чем та, что предусмотрена "максимумом". Владельцы крестьянских хозяйств, производящих зерно на рынок, оказываются в сложной экономической ситуации: они вынуждены продавать хлеб по цене "максимума", но платить своим наемным работникам сверх "максимума". Не нанимать же работников они не могут, ибо тогда урожай пропадет на корню. Естественно, некоторые крестьяне-работодатели жалуются властям: если те требуют от них соблюдения "максимума", то пусть заставят и рабочих соблюдать его. Что касается Конвента, то он еще в сентябре 1793 г. принял ряд декретов, обязавших местные власти не только следить за соблюдением "максимума", но и реквизировать рабочих на выполнение сельскохозяйственных работ. "Однако в большинстве случаев муниципалитеты не спешили приводить закон в исполнение"⁶³. Те же из них, которые все-таки решились влести "максимум" на заработную плату, установили его не по правилам, предписанным Конвентом, а в том размере, за который можно было реально нанять рабочих.

Зимой 1793/94 гг. жалобы сельских хозяев продолжают. И в преддверии новой жатвы Конвент 30 мая 1794 г. издает новый декрет о реквизиции всех граждан, которые обычно нанимаются на сельскохозяйственные работы. Соответствующие постановления принимает и Комитет общественного спасения. К концу жатвы ему опять приходится вмешиваться в отношения между нанимателями и работниками, определяя постановлением от 8 июля размер оплаты молотильщиков. Были ли эффективными подобные попытки государственного регулирования? Данные о

⁶³ Там же. С. 237.

реакции работников на подобные меры, отмечает Н.М. Лукин, не многочисленны. Однако те сведения, которые ему удалось собрать, свидетельствуют о том, что сельскохозяйственные рабочие откровенно саботировали "максимум", а в случае нажима на них устраивали стачки. Угрозы Комитета общественного спасения и представителей в миссии отдавать под суд Революционного трибунала за отказ от работы и несоблюдение "максимума" эффекта не давали, поскольку в основной своей массе зажиточные крестьяне, преобладавшие в местных муниципалитетах, стремились к компромиссу с работниками. "Те, кто предпочитал соблюдать закон, остались без рабочих"⁶⁴.

О неспособности правительства добиться выполнения закона о "максимуме" в сфере оплаты труда сельскохозяйственных рабочих свидетельствует постановление Комитета общественного спасения от 4 сентября 1794 г., из которого "видно, что многие муниципалитеты все еще не удосужились установить у себя твердые цены на рабочие руки"⁶⁵. А четыре дня спустя, расписываясь в невозможности заставить рабочих, занятых обмолотом зерна, получать жалование в соответствии с "максимумом", Комитет пересматривает заработную плату молотильщиков в сторону увеличения. Однако и в дальнейшем, как показывают приведенные Н.М. Лукиным документальные свидетельства осени — зимы 1794 г., "максимум" оплаты труда продолжал нарушаться в массовом порядке до тех пор, пока вовсе не был отменен 24 декабря 1794 г.

Так выглядят представленные в статье Н.М. Лукина факты, если их изложить в хронологическом порядке. Картина, как видим, получается совершенно иная. И вывод напрашивается совершенно другой, чем тот, что предложил нам автор. Перед нами история о тщетности попыток революционной власти проводить политику государственного регулирования экономики. Как бы ни старалось революционное правительство с осени 1793 по осень 1794 г. добиться ограничения оплаты труда сельскохозяйственных рабочих нормами "максимума", все его усилия пошли прахом. Идущие "сверху" импульсы до "земли" просто не доходили, а гасли в нижних эшелонах власти, ближе соприкасавшихся с экономикой и лучше понимавших ее насущные потребности. Что же касается собственно сельскохозяйственных рабочих, то они, судя по материалам статьи, получали за свой труд столько, сколько требовали, и при Робеспьере, и после него. У якобинской диктатуры было слишком мало возможностей для того, чтобы эффективно проводить в деревне свою "антирабочую политику" и реально осложнить жизнь "сельскому пролетариату и полупролетариату". Иными словами, если выстроить представленные в статье факты не по изначально заданной идеологической схеме, а просто в хронологи-

⁶⁴ Там же. С. 245.

⁶⁵ Там же. С. 237.

ческом порядке, то конечный вывод автора тут же теряет всякую с ними связь и просто повисает в воздухе.

А насколько корректна в научном плане сама по себе постановка проблемы об "упущенной" возможности революционного правительства опереться на "деревенскую бедноту" в проведении политики "максимума"?

В статье "Борьба классов во французской деревне..." Н.М. Лукин приводит широкий перечень фактов упорного сопротивления французской деревни политике "максимума". По логике классового подхода, *помноженной на опыт российской революции*, наиболее активными противниками "продовольственной разверстки" должны были выступать "кулаки" — представители "сельской буржуазии". Следуя этой логике, автор тщательно пытался отыскать в архивах соответствующие документальные свидетельства, но, как признает сам, не слишком в этом преуспел. Не находит он в источниках и мало-мальски убедительных доказательств того, что политика продовольственных реквизиций вызвала сколько-нибудь серьезные противоречия *внутри* деревенского мира. Н.М. Лукин объясняет это следующим образом: "Скудость наших сведений о классовой борьбе, которая развертывалась на селе в связи с выполнением реквизиций, объясняется тем, что власти дистриктов менее всего ею интересовались: для них был важен, прежде всего, самый факт выполнения или невыполнения соответствующего задания коммуной в целом"⁶⁶.

Но имела ли место внутри деревни эта "классовая борьба" вообще? Автору статьи с большим трудом удалось отыскать лишь четыре факта, подтверждающие, по его мнению, что именно богатые крестьяне "преимущественно срывали продовольственную политику Конвента". В одном из этих примеров речь идет о "крестьянине-богатее" Брюньоне, который, не желая в принудительном порядке поставлять хлеб на рынок по цене "максимума", распродал его по еще более низкой цене своим односельчанам⁶⁷. Иначе говоря, в восприятии Брюньона линия противостояния в вопросе о реквизициях проходила за пределами деревенского мира. "Чужие", "враги", посягавшие на его хлеб, находились *вне* деревни. Принципиальное значение для него имел не вопрос прибыли, а неприятие внешнего принуждения: лучше продать зерно в убыток, но "своим", чем подчиниться насилию "чужих". Разумеется, это лишь единственный пример, на основе которого нельзя делать далеко идущие обобщения. Однако и наш автор вынужден признать, что в противодействии реквизициям деревенский мир выступал как одно целое: "Трудно выдлить степень активности сельской буржуазии в тех довольно многочисленных случаях, когда целая деревня оказывала активное сопротивление реквизициям"⁶⁸.

⁶⁶ Лукин Н.М. Борьба классов во французской деревне... С. 264.

⁶⁷ Там же. С. 265.

⁶⁸ Там же. С. 266 — 267.

И даже тот единственный из приведенных Н.М. Лукиным пример, когда "кулаки" оказали вооруженное сопротивление властям, попытавшимся проверить их запасы зерна, не слишком вписывается в логику "классовой борьбы". В бою против национальных гвардейцев ферму семейства Шаперон, наряду с хозяевами, защищала и их работница⁶⁹, то есть, по классификации Н.М. Лукина, представительница "сельского пролетариата". И подобный "единый фронт" разных категорий сельских жителей отнюдь не исключительный случай. "...Очень часто сопротивление реквизициям, исходившее от зажиточной верхушки деревни, находило поддержку не только у крестьян-середняков, но и у деревенской бедноты, покупавшей хлеб у своих зажиточных соседей, а потому относившейся враждебно ко всякому вывозу хлеба из пределов коммуны. В этих случаях властям дистрикта и депутатам в миссиях приходилось иметь дело с единым контрреволюционным фронтом всего сельского населения"⁷⁰.

Даже если судить только по собранным Н.М. Лукиным данным, складывается впечатление, что узы солидарности внутри деревенского мира были намного сильнее противоречий между составлявшими его категориями сельского населения. И даже попытка властей внести в него раскол путем поощрения доносительства на нарушителей "максимума", похоже, не имела успеха. Во всяком случае, сам автор статьи, хотя и предполагает, что, "по-видимому, система доносов действительно была распространена довольно широко"⁷¹, находит лишь два примера правдивых доносов и один — ложного. Впрочем, чуть ниже он отмечает: "...Часто бедняк, вынужденный покупать у соседа хлеб выше таксы, являлся соучастником нарушения закона, а потому не был расположен выступать в роли доносчика"⁷².

Содержащийся в статьях Н.М. Лукина обильный фактический материал не дает никаких оснований предполагать, что малоимущие слои сельского населения в силу каких-либо специфических, групповых ("классовых") интересов могли бы противопоставить себя деревенскому миру в целом. Такие интересы у них, конечно, были. Автор приводит немало примеров того, что сельскохозяйственные рабочие, не имевшие своей запашки, зачастую сталкивались с отказом соседей продавать им хлеб по цене "максимума". Однако не будем забывать, что и сами рабочие брали за свой труд оплату выше "максимума". И сельские муниципалитеты, "где наблюдалось засилье зажиточного и среднего крестьянства", точно так же покрывали нарушения "максимума" заработной платы, как и "максимума" цен на хлеб. Это были *внутренние* противоречия достаточно закрытого мира деревни, решавшиеся им самим.

⁶⁹ Там же. С. 267.

⁷⁰ Там же. С. 268.

⁷¹ Там же. С. 283.

⁷² Там же. С. 284.

Приводимые Н.М. Лукиным факты не дают ни малейших оснований для его же тезиса: "Продовольственная политика Конвента, встречавшая упорное сопротивление со стороны всех категорий крестьян-собственников, могла проводиться только при содействии властям деревенской бедноты"⁷³. Это положение опирается не на результаты анализа источников, а выводится из заранее заданной идеологической схемы и несет в себе ярко выраженный заряд политической пропаганды. Достаточно заменить в приведенной фразе слово "Конвент", скажем, на "Совет народных комиссаров", и мы получим готовую формулу политики ВКП(б).

Впрочем, это далеко не единственное противоречие между данными источников и схемой в "аграрных" статьях Н.М. Лукина. Идя от нее, он то и дело выдвигает те или иные тезисы, которые, обращаясь к фактической стороне дела, сам же и опровергает. Вот, например, как ему виделась одна из возможных мер практической реализации союза Конвента и сельской бедноты: "Это содействие деревенских санкюлотов продовольственной политике Конвента могло дать существенные результаты, если бы революционное правительство действительно повернулось лицом к пролетариям и полупролетариям деревни, обеспечив им влияние в сельских муниципалитетах, наблюдательных комитетах и народных обществах..."⁷⁴ Исходя из изначально заданной идеологической схемы, подобная программа действий выглядит вполне логично, поскольку представляет собой кальку с политического опыта большевиков, создававших комбеды и целенаправленно "корректировавших" результаты выборов в сельские советы, чтобы обеспечить в них решающий голос бедноте. Однако могли ли на практике бедняки французской деревни взять на себя ведущую роль в местных органах власти? Едва ли: всего лишь несколькими страницами ранее Н.М. Лукин, ссылаясь на исследования французских историков, сам же отмечал, что "деревенская беднота (*mécontents, manouvriers*) была мало интеллигентна и слишком неорганизована, чтобы забрать в свои руки муниципалитеты, а также наблюдательные комитеты и народные общества, — даже там где они составляли большинство жителей коммуны"⁷⁵.

Такие противоречия между идеологической схемой и данными источников пронизывают обе "аграрные" статьи Н.М. Лукина, причем последнее слово неизменно остается за схемой. Именно ею, а не результатами анализа источников, продиктован и конечный вывод обеих статей о том, что неспособность революционного правительства заручиться поддержкой сельской бедноты стала "предпосылкой" Термидора. По сути, этот тезис отражает скорее тайные страхи большевистской верхушки перед призраком "рус-

⁷³ Там же. С. 282.

⁷⁴ Там же. С. 287.

⁷⁵ Там же. С. 273.

ского термидора"⁷⁶, нежели исторические реалии Франции конца XVIII в. В самом деле, как симпатии сельскохозяйственных рабочих к "робеспьеровскому правительству", даже если бы оно их "не лишилось", могли бы помешать термидорианскому перевороту, начавшемуся в Конвенте и уже через несколько часов благополучно завершившемуся в парижской Ратуше? На всем протяжении Французской революции жители деревни узнавали об очередном эпизоде борьбы за власть в столице лишь дни и недели спустя и никогда напрямую не влияли на его исход. Для большевиков же, опасавшихся, что угроза "русского термидора" исходит от "мелкобуржуазной" стихии многомиллионного крестьянства, напротив, союз с беднотой — их главной опорой в деревне — имел жизненно важное значение.

* * *

Таким образом, и в своих "аграрных" статьях, намного превосходящих в научном плане его предшествующие работы о Французской революции, Н.М. Лукин выступал в большей степени политическим пропагандистом, чем исследователем. А ведь эти статьи так и остались вершиной его творчества как историка Революции. Обещанная им книга о французском крестьянстве никогда не появилась, а наиболее известная из его последних работ о Французской революции — статья "Ленин и проблема якобинской диктатуры"⁷⁷ — была выполнена в жанре скорее экзегетики, нежели исторического исследования.

Поскольку Н.М. Лукин был одним из "отцов-основателей" всей советской историографии стран Запада⁷⁸ и, в частности, используя выражение Н.И. Кареева, "главным руководителем новой школы" историков Французской революции⁷⁹, его научные взгляды и подходы не могли не оказать огромного влияния на развитие соответствующих направлений отечественной исторической науки. О том, какие профессиональные требования предъявлял Н.М. Лукин своим ученикам, мы можем судить по его выступлению на совещании историков-марксистов в 1931 г., посвященном

⁷⁶ Подробнее см.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

⁷⁷ Лукин Н.М. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Историк-марксист. 1934. Т. 1 (35). С. 99 — 146.

⁷⁸ Подробнее см.: Авербух Р.А. Н.М. Лукин — организатор подготовки советских историков // Европа в новое и новейшее время; Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Указ. соч. С. 115 — 127; Галкин И.С. Указ. соч. С. 182 — 198.

⁷⁹ Кареев Н.И. Французская революция в марксистской историографии в России / Публ. Д.А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 198.

критике специалистов старой "русской школы": "...Признание диалектического материализма как *единственно правильной философской теории* и умение применять диалектический метод в своей специальной области является обязательным для всякого историка, претендующего называться марксистом"⁸⁰. Подобный догматизм, превращавший марксизм из научной методологии в символ веры, носил жестко императивный характер: ведь "каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя", — напоминал Н.М. Лукин формулировку одного из принятых незадолго до того постановлений Общества историков-марксистов⁸¹.

Свои представления о профессиональном долге советских историков Н.М. Лукин подробно изложил в дискуссии с известным французским исследователем А. Матьезом. Относившийся в первые годы после Октябрьской революции с горячей симпатией к Советской России в целом и к еще только складывавшейся тогда советской школе историков-франковедов, Матьез к концу 20-х годов постепенно избавился от былой эйфории и, придерживаясь уже гораздо более трезвого взгляда на ситуацию в СССР, весьма критически отозвался об идеологической экзальтации и догматизме советских историков нового поколения. Вот как он оценил господствовавший в советской науке метод изучения истории:

"Метод этот заключается... в поисках повсюду в прошлом борьбы классов, даже там, где эта борьба не подтверждается никакими документами. Одним словом, этот метод заключается в превращении исторической науки ... только в априорную догму, которая и являет собой истинный марксизм, представляющий на практике подобие катехизиса. В итоге история становится послушной служанкой политической власти, которой она подчиняет все свои концепции, свои интересы, очередные лозунги, даже свои выводы"⁸².

Принимая во внимание рассмотренные нами выше особенности исследовательского почерка Н.М. Лукина, трудно не согласиться с точностью диагноза, поставленного Матьезом. Впрочем, и ответ ему самого Н.М. Лукина заслуживает того, чтобы быть процитированным максимально подробно:

«В противоположность Матьезу мы утверждаем, что история была и остается одной из самых "партийных" наук, что — сознательно или бессознательно — историки всегда выполняют определенный социальный заказ ... Разница лишь в том, что последова-

⁸⁰ Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 49–50. Курсив мой. — А.Ч.

⁸¹ Там же. С. 49.

⁸² Цит. по: Дунаевский В.А. Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. 1930–1931 гг. // НиНИ. 1995. № 4. С. 200.

тельные марксисты открыто признают, что, беспощадно вскрывая все формы классовых противоречий и классовой борьбы как в прошлом так и настоящем, и доказывая историческую неизбежность замены современного капиталистического общества социалистическим, они тем самым помогают пролетариату в его классовой борьбе с буржуазией. В этом смысле мы не стыдимся признать, что наша марксистская наука находится "на службе" у пролетариата и коммунистической партии, но гордимся этим»⁸³.

Думаю, в этих словах, как, впрочем, и словах Матъеза, блестяще выражена суть всего научного творчества Николая Михайловича Лукина. На примере рассмотренных нами выше работ о Французской революции, созданных им в разные периоды своей жизни, мы могли убедиться, что в каждой из них он, действительно, выступал скорее бойцом идеологического фронта, нежели исследователем, ищущим ответа на непонятные для себя вопросы.

Говоря об учениках и преемниках Н.М. Лукина, было бы, конечно, явным упрощением сводить всю их научную деятельность к иллюстрированию историческими фактами некой, говоря словами Матъеза, априорной догмы. Творчество, к примеру, А.З. Манфреда, поднявшего жанр исторического исследования на уровень высокой литературы, или В.М. Далина, настоящего виртуоза архивных разысканий, отнюдь не вмещается в рамки рутинного обоснования историческим материалом "непреходящей" правоты марксистского учения. И все же, имея теперь подробное представление о научных приоритетах основателя советской школы историков Французской революции, мы едва ли должны удивляться тому, что последующая советская историография данной проблематики также характеризовалась приверженностью жестко заданным идеологическим конструкциям и что практически любые попытки критического взгляда на данный канон воспринимались ее ведущими представителями как идеологическая диверсия.

Разумеется, это отнюдь не означает, что подобными особенностями отечественная историография Французской революции была обязана исключительно академику Лукину. "Служанкой идеологии" историю хотел видеть коммунистический режим, сам по себе построенный на идеологии. Н.М. Лукин же именно потому и был поставлен во главе советской исторической науки, что наилучшим образом олицетворяя собой коммунистический идеал историка как "бойца идеологического фронта".

⁸³ Лукин Н.М. Новейшая эволюция А. Матъеза // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 42.